

«Лязг-лязг», — звук ударяющихся друг о друга рукоятей мечей, висевших на бёдрах, громко разносился по лесу. Уверенные шаги продирались сквозь заросли. Обладателем этих шагов, для которого топтать жизнь было так же естественно, как дышать, был юноша лет десяти.

Хотя, возможно, для «юноши» он был слишком юн, но казался взрослее из-за своей невозмутимости. В нём не было и тени детской наивности.

Прохладный ветерок мягко разведал тёмные волосы мальчика. Слегка раздражённый этим, он провёл по волосам рукой в коричневой кожаной перчатке. Между пальцами виднелась слегка вспотевшая гладкая щека и изящная шея.

В лучах солнца, пробивающихся сквозь листву, лицо мальчика было поразительно красивым: нежные, словно благоухающие, щёки, большие, выразительные фиолетовые глаза, которые казались бархатными и мудрыми. Аристократический нос завершал его безупречный, изящный и утончённый облик.

Слишком невинная внешность для того, кто в походной одежде пробирался сквозь лес.

Мальчик с такой внешностью, с которой в лесу можно было бы только прогуливаться у опушки с доброй матушкой и заботливым отцом, весело улыбался. Его глаза блестели в поиске чего-то, а на красивых губах играла улыбка.

Пока мальчик, казалось, что-то весело напевал себе под нос, с северо-востока донёсся шорох. Звук был очень тихим и мимолётным, но мальчик тут же повернул голову в ту сторону. Губы, растянутые в ленивой улыбке, изогнулись в хищном оскале, и он, облизнувшись, провёл языком по губам.

Он сменил направление. Ветки громко трещали под его ногами. Мальчик прошептал:

— Как же так?.. Я-то надеялся, что серийный убийца, лишивший жизни двенадцать человек, окажется поинтереснее. Слишком быстро. Так неинтересно.

Глаза мальчика, говорившего, что ему неинтересно, невинно прищурились. Хоть быстрая поимка и была скучной, мысль о том, как приговорённый к смерти будет умолять о пощаде, радовала его.

«Что бы отрезать первым?»

Этим мальчиком был Оз Хизер К. Райнер — наследный принц империи, которому в этом году исполнилось восемь лет. Физически он выглядел всего на три-четыре года старше сверстников, однако уже имел очень дурное хобби.

Охота на людей. Он выпускал приговорённых к смерти преступников в лес с

заблокированными выходами и медленно преследовал их, охотясь. Ребёнок, который с самого раннего детства любил играть в прятки, причём всегда только водить, повзрослев, точно понял, чего хочет, и начал это делать... Его дорогой Кей этого не одобрял, поэтому он старался не убивать, но ощущение, когда отрубаете руки, молящие о пощаде, было поистине восхитительным.

Вспоминая это яркое ощущение, Оз лучезарно улыбнулся. Это была чистая улыбка, от которой, казалось, исходил свет.

На самом деле, внешне он был точной копией своего отца, за исключением цвета волос, но улыбка производила совершенно иное впечатление. Его отец, Зигрил, улыбался очень изящно и лениво, но его коварная улыбка полностью выдавала его дурной характер. Оз же, унаследовав его образ мышления и внешность, улыбался так невинно, что незнакомец мог бы подумать: «что это за ангел на земле?».

С невинной, сладкой и очаровательной улыбкой он думал: «Что бы отрезать?»

Учитывая, что он с самого рождения притворялся хорошим перед своей матерью, эта улыбка была, скорее, врождённой, а не приобретённой с возрастом.

Неизвестно, что хуже: откровенно дурной характер или скрываемый дурной характер, но, по словам супруга Зигрила и матери Оза, Кея, суть у них была одна.

Чем ближе Оз подходил, напевая, тем громче становился шорох. Казалось, слышалось и тихое хриплое дыхание.

«А, попался в ловушку?»

Оз вспомнил о ловушке, которую установил прямо впереди, и, естественно, прищурившись, лучезарно улыбнулся. Он установил несколько таких, потому что ему нравилось смотреть, как жертвы барахтаются, словно звери. Были ловушки, которые отрубали ноги или лодыжки, чтобы жертва не могла ходить, и даже такая, где при неправильном шаге на голову летел клинок.

Оз примерно прикинул местоположение. Какая же ловушка была впереди?

— Ага.

Разрезав мечом высокие заросли, преграждавшие путь, он увидел неглубокую яму, соединённую с логовом тигра. Вдруг в глаза бросилась маленькая, испачканная в земле рука, цеплявшаяся за край ямы, чтобы не упасть. «Маленькая рука?»

Оз нахмурился. Это была не рука последнего из пяти выпущенных им приговорённых преступников. У того были более мускулистые и волосатые грязные руки. Эта же маленькая

белая рука, отчаянно цеплявшаяся за выступ, до крови сдирая ногти, была настолько другой, что спутать её было невозможно.

— Что это?

Нарушитель? В этом лесу за дворцом, известном тем, что он ловит здесь преступников? «Ух ты, какой смелый», — Оз, усмехаясь, подошёл и наступил на руку.

— Ай! А-а-а-а!

Видимо, из-за отчаянных попыток удержаться, обладатель маленькой руки не заметил приближения, и от неожиданности его пальцы задергались, как дождевые черви. Если бы Оз наступил чуть слабее, ребёнок сорвался бы вниз. А внизу его падения с нетерпением ждал тигр. Огромная пасть причмокивала и рычала, и от этого тело ребёнка содрогалось.

Оз надавил сильнее, ещё больше вжимая пальцы в землю, и, глядя на тёмную макушку, спросил:

— Кто ты?

Несмотря на то, что он давил на руку, голос его был ласковым. Оз снова спросил макушку, которая тяжело дышала, видимо, от истощения:

— Как ты сюда попал?

— А-а-а, — хрипло вскрикнула тёмная макушка и, царапая другой рукой стену ямы, подняла голову.

— П-помогите...

Белоснежная кожа была вся в царапинах и красных ссадинах. Лица не было видно, но было заметно, как слёзы ребёнка катились по подбородку и падали в яму. Задыхаясь от страха и пуская сопли, ребёнок повторял снова и снова:

— Помогите, помогите...

Ребёнок бессильно просил о помощи. Казалось, для ребёнка он довольно долго продержался на краю пропасти. Да и на камне виднелись свежие пятна крови. Похоже, кровь пошла не от того, что он наступил, а от того, что ногти сломались, пока тот держался.

— ...Помогите.

Голос ребёнка затих, будто вот-вот погаснет. Возможно, кости пальцев были раздроблены. Рука под ногой Оза больше не дёргалась. Потеряв интерес к уже бессильной мольбе, Оз собирался убрать ногу, как вдруг ребёнок поднял лицо.

Глаза, из которых градом катились слёзы, моргнули, увидев Оза. Ребёнок, похоже, не ожидал увидеть своего ровесника.

Внезапно из глаз ребёнка хлынуло ещё больше слёз. Почему-то он, казалось, немного успокоился.

Эта совершенно новая для него реакция, «облегчение», заинтриговала Оза, и он с любопытством стал разглядывать лицо ребёнка. Он определённо видел это лицо впервые, но оно было до странности знакомым. Если попытаться вспомнить кого-то похожего, никто не приходил на ум, так что, вероятно, это было просто обманчивое чувство, но почему-то оно было довольно навязчивым.

— Кто ты?

Оз снова задал вопрос, который до этого задал формально. Ребёнок, обессилив, опустил голову, и когда его лицо скрылось из виду, Оз почувствовал лёгкое разочарование. Прежде чем ребёнок потерял бы сознание, он снова чётко и внятно произнёс:

— Назови своё имя.

Задав вопрос, Оз некоторое время ждал ответа. Пока он ждал, когда из грязных, мокрых от слёз и соплей губ сорвётся имя ребёнка, его интерес возрастал. Однако, хотя он и увидел, как губы опустившего голову ребёнка приоткрылись, к сожалению, голос был слишком тихим и не достиг его ушей.

Он подождал ещё, но, похоже, внятного имени от ребёнка добиться не удастся.

— Что ж такое.

Он впервые за долгое время позволил себе высказать недовольство. Подумав, что ребёнок мог полностью потерять сознание, он наклонился и схватил его за запястье. Рука ребёнка, как и ожидалось, была вывернута под неестественным углом.

«...»

Что ж, при таком раскладе неудивительно, что он потерял сознание. «Может, не стоило этого делать», — с несвойственным ему лёгким сожалением подумал Оз, цокнув языком.

— Эй.

Оз позвал ребёнка, решив, что это последний раз. Если и в этот раз ответа не будет, он просто отпустит руку и позволит ему умереть, а сам отправится на поиски спрятавшегося где-то приговорённого преступника. Но, к счастью, то ли из-за чистого голоса Оза, то ли от тепла его руки, ребёнок поднял дрожащее лицо.

Заплаканное лицо было полно надежды на то, что Оз обязательно его спасёт... Довольно неуместная вера, но это было не так уж и неприятно. Ребёнок, который вовремя отреагировал и смотрел на него снизу вверх с радостной надеждой на спасение, был довольно милым. Причин для хорошего настроения не было, но почему-то стало немного приятно. Оз, удовлетворённый тем, что снова видит лицо ребёнка, ласково улыбнулся.

— Хорошо, я спасу тебя. Протяни ту руку.

Когда Оз великодушно сказал это, из глаз ребёнка полилось ещё больше слёз. Шевелящиеся губы, казалось, говорили «спасибо». Оз, чувствуя лёгкое возбуждение, облизнул губы. С трудом протянутая ребёнком грязная рука показалась Озу тонкой и нежной, как росток папоротника.

«Что это со мной?» — подумал Оз. Он всегда был капризным, но такой каприз был ему совсем не свойственен. Весело улыбаясь, он с небольшим усилием вытащил ребёнка из ямы.

Ребёнок, которого он опустил на землю, был намного ниже него. Возможно это от только что пережитого ужаса, но ребёнок лежал на земле и дрожал. Оз слегка облизал губы. «Что это? Откуда он взялся? Почему он здесь?» — внезапно его охватило любопытство.

Глядя на дрожащую маленькую спину ребёнка и чувствуя щекочущее ощущение, Оз поднял голову на тёмную тень, нависшую сзади. Это был последний приговорённый к смерти, которого он искал, и он замахивался на Оза топором.

Прежде чем выпустить приговорённых к смерти преступников в лес, Оз дал им очаровательное в своей жестокости обещание: «Если сможете убить меня, я дарю вам жизнь». Разумеется, он ни на секунду не верил, что кто-то из них способен его убить. Да и если бы, чисто гипотетически, кто-то в одиночку или даже они все вместе смогли бы одолеть его, никто бы и не подумал сдержать это пустое обещание и даровать смертникам помилование.

Ради забавы, чтобы насладиться агонией ослеплённых страхом смерти заключённых, Оз с серьёзным лицом произнёс обещание, которое и не думал выполнять. Жизнь без таких понятий, как «обещание» или «честь», делала его точной копией своего отца.

Топор в руке смертника нацелился точно в лоб Оза, который вскинул голову. Их взгляды на мгновение встретились: блестящие карие глаза смертника и фиолетовые Оза. Он по-детски невинно улыбнулся.

«Недурно.»

И в то же мгновение, с почти невидимой глазу скоростью, он выхватил клинок, висевший на левом бедре, развернулся и одним движением вспорол живот смертника. Топор в руке преступника рассёк лишь воздух, и в тот же миг из разорванного живота вывалились внутренности. Кровь потекла не сразу, а с небольшой задержкой, что лишь доказывало, насколько быстрым и точным был удар клинка Оза.

— Кх...

Из уст смертника вырвался свистящий вздох. «Черт, я не хотел его убивать», — пронеслось в голове Оза. Просто в тот момент ему было лень выбирать место для удара. Он тихо цокнул языком. Карие глаза, что мгновение назад смотрели на него, медленно закатились.

Громила, раза в три превосходивший Оза по размерам, выронил топор и медленно опустился на колени. Из рта пошла кровавая пена, окрашивая землю. Затем он завалился набок и испустил дух. А ведь Оз планировал ещё немного поиграть с ним, прежде чем отдать палачам...

Минутная лень обернулась лишними хлопотами. Он живо представил, как Кей, узнав об этом, снова нахмурится и вздохнет.

«Ничего не поделаешь», — подумал Оз, стряхивая кровь с клинка. Он схватил мертвеца за шиворот и потащил. Без особого труда дотащив огромное тело до ямы, он пинком скинул его вниз. Не успело окровавленное тело коснуться дна, как на него набросился тигр.

С телом было покончено. Оз размышлял, чем бы прикрыть лужу крови на земле, когда его взгляд встретился с глазами мальчика, съездившегося рядом. При встрече взглядов мальчик вздрогнул и еще сильнее сжался. «Испугался? Вполне возможно», — еще бы, ведь на его глазах убили огромного мужчину, а труп хладнокровно бросили на съедение тигру.

— Привет! — сказал Оз, улыбаясь ещё более ласково, чем обычно. Мальчик, которому сейчас было совсем не до «приветов», покраснел, увидев красивое лицо Оза и услышав его нежный голос. Заметив его покрасневшие щеки, Оз улыбнулся еще ярче и облизнул губы. Судя по тому, что он вообще здесь оказался, мальчик определенно не знал, кто перед ним. На его наивном лице читалось: «никогда не видел на свете никого красивее!».

Конечно, Оз привык к комплиментам по поводу своей внешности. Но как бы лучезарно он ни улыбался, обычно его боялись и избегали. Такая новая и искренняя реакция мальчика его позабавила. Впервые в жизни на него смотрели такими сияющими глазами, словно только что вылупившийся утенок, который смотрит на свою мать. Этот сияющий взгляд был не так уж и неприятен.

— 3-здравствуйте.

Голос мальчика дрожал, как у овечки. Видимо, он еще не отошел от шока. В этом было что-то милое. Оз, наблюдая, как тот постепенно расслабляется, улыбнулся еще нежнее.

— Испугался?

— А?

Оз, усмехнувшись, указал пальцем на лужу крови.

— Я про это. Не хотел его убивать, но он сам на меня напал, у меня не было выбора. Ты же видел? Он замахнулся на меня топором. Ты же понимаешь? Ты ведь меня не боишься? — словно кокетничая, спросил Оз, мило улыбаясь. Мальчик, чуть приподняв голову, широко распахнул глаза на слова Оза и принялся яростно мотать головой.

— Н-нет! Этот человек пытался убить меня...

— А? А-а...

Неудивительно, что он напал, приняв его за Оза, ведь поблизости бродил такой же черноволосый мальчик. Хотя волосы этого ребенка были более тусклого черного цвета и намного короче, чем у Оза, но в панике жертва редко обращает внимание на детали. «Так вот оно что. Неудивительно, что он так сильно обрадовался, когда увидел меня у ямы», — похоже, именно смертник загнал его туда.

— Вот что бывает, когда бродишь в одиночку по таким опасным местам.

Оз, главный виновник того, что тихий лес за дворцом стал опасным, с мягкой улыбкой протянул руку все еще съезжившемуся мальчику. Тот посмотрел на его чистую руку, затем на свою, перепачканную кровью и землей, и смущенно покраснел.

Если бы он подумал, что этой самой рукой только что убили человека, ему, возможно, не было бы так стыдно. Но мальчик, никогда в жизни не видевший никого столь же прекрасного, как Оз, ужасно стеснялся самого себя.

Оз, наблюдая, как краснеет нежная кожа на его шее, облизнул губы. Что-то внутри приятно затрепетало.

— Не можешь встать? Помочь?

Хоть он и спросил разрешения, но дожидаться ответа не стал. Он подошел и помог ему подняться, не обращая внимания на то, что его перчатки испачкались в крови с руки мальчика. Если бы кто-то из знавших его увидел эту сцену, у него бы пена пошла изо рта от шока. Это

было зрелище, в которое не поверил бы даже очевидец, не говоря уже о тех, кто не видел.

Мальчик, хоть и смущенно сжался, все же оперся на него и встал на ноги.

— С-спасибо. Вы так добры.

Мальчик со слезами на глазах улыбнулся и поблагодарил его. Свежий, детский запах смешался с соленым запахом слез и ударил в нос. «Ах», — тихо вздохнул Оз.

От одной этой фразы — «вы так добры», его сердце, до этого момента лишь слегка трепетавшее, мягко забило сильнее.

Он ничего не ответил, лишь улыбнулся еще нежнее. «Хорошо, буду с тобой ещё добрее», — внезапно Озу захотелось сделать для него что-то еще. Он достал из кожаного мешочка платок и протянул мальчику. Тот попытался отказаться, видимо, чувствуя вину за то, что испачкает белоснежный платок, но Оз сам заботливо вытер его руку.

— Так, как тебя зовут? — спросил Оз снова, перевязывая чистой стороной платка сломанную руку мальчика. На этот раз он был полон решимости узнать его имя и не отпускал руку даже после того, как закончил перевязку. Мальчик, доверив ему свою руку, неловко поежился и тихо прошептал:

— ...Джейд. Меня зовут Джейд.

— Джейд... Джейд.

Джейд Элбон, попавший в беду после того, как пришел во дворец со своим учителем, назвав свое имя, поднял взгляд на своего спасителя. Красивый мальчик, которого он видел впервые в жизни, несколько раз, словно пробуя на вкус, повторил его имя с нежной улыбкой. От чистого звука его голоса, произносившего его имя, у Джейда забило сердце, стало трудно дышать, и он смутился. Его спаситель был по-ангельски добр и красив.

Он был в сотни раз прекраснее и добрее, чем самый красивый человек, которого Джейд знал — леди Сорен. Он наивно решил, что даже то, что тот наступил ему на руку, было сделано ради спасения. Несмотря на то, что тот был, несомненно, аристократом, он был так добр и ласков. В этот миг рухнул его стереотип, что все аристократы — злые дети, которые бросают других в лесу и смеются над ними.

— Джейд... Значит, Джейд.

Красивый мальчик, державший его за руку, улыбнулся так, словно вот-вот растает как мираж, и снова позвал его по имени. «Вау», — мысленно выдохнул Джейд и, покраснев, кивнул.

Глядя, как он энергично кивает, мальчик рассмеялся звонким смехом. От этого чистого смеха и боль в сломанной руке, и усталость во всем теле — все как будто немного отступило.

<http://bllate.org/book/13549/1203076>